

Галина Долгая

История моей семьи

Галина Долгая

История моей семьи

«Издательские решения»

Долгая Г.

История моей семьи / Г. Долгая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962649-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Исследование родословной и истории семьи автора,
дополненное фотографиями и документами, которые хранятся в семейных
архивах.

ISBN 978-5-44-962649-3

© Долгая Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
ВОЙТКОВСКИЕ и ДЕРКАЧЕНКО	8
Михаил Войтковский	9
Жена Михаила Войтковского	12
Семен Николаевич Деркаченко	13
Екатерина Терентьевна Деркаченко (в девичестве Гнённая)	17
Александр Михайлович Войтковский	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

История моей семьи

Галина Долгая

© Галина Долгая, 2020

ISBN 978-5-4496-2649-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

История каждой семьи состоит из имен и дат, из документов и фотографий. Чем древнее род, чем известней в мире его представители, тем больше у семьи фактов, на которые опирается ее история. Но история любой семьи неразрывно связана с историей страны, народа, со временем, в котором жил тот или иной ее представитель. Войны, революции, репрессии осложняли жизнь людей. В целях сохранения семьи часто приходилось скрывать не только свое происхождение или место рождения, но и менять национальность, фамилию, уничтожать семейные реликвии.

Мой род не принадлежал к знаменитым. Во всяком случае, в том временном отрезке, который мне удалось проследить. Но загадок и тайн в моей семье оказалось больше, чем фактов.

Я выросла в советское время в семье, социальное положение которой определялось как рабоче-крестьянское. В детстве и юности я даже не задумывалась о своем происхождении, о родословной. Но яркими вспышками остались в памяти случайные воспоминания матери, скупые рассказы двоюродных бабушек, удивительно пронзительные взгляды на лицах, запечатленных на старых портретах и фотографиях, хранимых мамой в нижнем ящике шифоньера, или висящих в темных рамах на стенах в комнатах бабушек.

Взрослела я, одна за другой уходили в иной мир бабушки, потом родители, и в одно время я вдруг осознала, как мало я знаю об их жизни, об их молодости, которая пришлась на непростые годы первой половины двадцатого века. Я успела поговорить с еще здравствующими бабушками по линии моего отца, услышать воспоминания моего дяди по линии матери, сохранить некоторые фотографии и портреты.

Шли годы, и я все чаще вспоминала истории, рассказанные мне моими дорогими родными, и понимала, что за скупыми откровениями кроется гораздо большее – суровые испытания, горечь потерь, счастье любви и верности, обиды и разочарования.

Разбираясь с родословной, с датами и именами, я задалась целью не только восстановить этапы жизни моих предков, но и воссоздать саму их жизнь в чувствах и эмоциях, понять и озвучить их мысли.

Так, с интереса к своей родословной начался роман «Дивлюсь я на небо...», в котором я описала жизнь моих родных в основном по линии матери в период с 1929 по 1960 годы. Этот роман отражает жизнь целого поколения людей, ставших участниками судьбоносных событий для всего человечества. Из таких историй состоит история страны. И в этом смысле история моей семьи показательна. Мои родные испытали на себе и голод, и репрессии, и тяготы войны, включая потерю близких, и выживание в голодные военные и послевоенные годы.

Жизнь человека невозможно оторвать от времени, в котором он живет. Многие поступки, кажущиеся странными или необъяснимыми из-за отсутствия информации, становятся понятны, когда окунаешься в быт того времени, узнаешь законы, по которым жили люди, прослеживаешь развитие культуры, науки, техники тех лет. Прочитывая страницы истории СССР, мемуары очевидцев, я пыталась сопоставить их с информацией о моих родных.

Бесценны для истории нашей семьи воспоминания моего дяди Войтковского Александра Александровича; дополнения к ним его супруги Войтковской (Яковлевой) Нины Федоровны; хоть и отрывочные, записанные мной гораздо позже по памяти, воспоминания моей мамы Яцьшиной (Войтковской) Валентины Александровны, дяди Войтковского Владимира Александровича, его супруги Войтковской (Тюриной) Людмилы Николаевны, бабушки Яцьшиной (Выборновой по второму мужу, Каратаевой в девичестве) Марии Ильиничны, двоюродной бабушки Мосиной (Яцьшиной) Антонины Ивановны, тети Чекалиной (Кочмарь) Раисы

Кузьминичны; а также совместные воспоминания с братьями и сестрами, которые запомнили какие-то моменты жизни наших близких, их рассказы.

Мой род состоит из четырех основных ветвей: Яцьшиных и Каратаевых – по отцу и Войтковских и Деркаченко – по матери. Я написала это семейное исследование настолько глубоко по линии родословной этих фамилий, насколько полно смогла собрать информацию о них.

Галина Долгая (Яцьшина)

ВОЙТКОВСКИЕ и ДЕРКАЧЕНКО

Свое исследование я начну с родословной моей матери Войтковской Валентины Александровны.

Еще в детстве я слышала от нее необычную историю ее рождения, которая удивляла не только географическим местом рождения, но и учреждением, в котором она появилась на свет. В паспорте моей мамы было написано место рождения: «Уссурийский край, город Кривой Ручей». Дата рождения указана: 16 августа 1935 года.

– Мама, а как вы попали в Уссурийский край? – спрашивала я, зная, что все родственники мамы живут в городе Николаеве на Украине.

Ответ мамы только добавлял загадок:

– Отец служил там... начальником лагеря. Я родилась восьмимесячной, роды принимала заключенная...

Чтобы понять, насколько удивительно было такое открытие для меня, а позже и для моих сестер и братьев, стоит сразу сказать, что семья моей мамы проживала в Ташкенте с 1937 года, а ее отец работал художником в Художественной артели. В воспоминаниях старшего брата моей мамы – Александра говорится о жизни до Ташкента на станции Тохтамышская, в Уссурийском крае, но нет ни слова о роде занятий его отца, если только не считать упоминания о направлении на службу от НКВД. Более того, сын считает отца танкистом и вспоминает некоторые факты, подтверждающие это, как и картины, написанные отцом в Ташкенте. Ни одна из них не сохранилась ввиду определенных обстоятельств, но сохранились их описания – портреты жены и детей, этюды и картины природы гор и реки Чирчик в Ташкентской области.

Чтобы разобраться с историей жизни моих деда и бабушки, которые прожили вместе с 1929 по 1942 года, мне пришлось заглянуть в историю жизни их родителей, моих прадедов и прабабушек. А о них информации сохранилось еще меньше, даже даты рождения и смерти пришлось предполагать, исходя из рождения детей и некоторых семейных событий.

Прадеды и прабабушки родились еще в девятнадцатом веке, а деды и бабушки – до Октябрьской революции. У кого-то жизнь была долгой, кто-то прожил мало, но жизнь всех была емкой, полной трагических событий, связанных с Октябрьской революцией, гражданской войной, годами репрессий и Великой Отечественной войной, не говоря уже о личных семейных трагедиях.

Ниже я попробую объяснить со своей точки зрения факты и поступки моих родных, сведения о которых разнятся и порой выглядят совершенно противоречивыми. Оговорюсь только, что почти все выводы, сделанные мной, имеют под собой документальную основу. Это записи в документах: свидетельствах о рождении, трудовых книжках, военных билетах; строки из писем; записи в похоронных книгах, а также правительственные указы тех времен, уголовный кодекс СССР, даты и события некоторых сражений Великой Отечественной войны, воспоминания очевидцев о лагерях и тюрьмах 30-х, 40-х годов, а также факты из истории городов Николаев и Ташкент.

Курсивом выделены строки из воспоминаний моего дяди Александра Александровича Войтковского и его жены Нины Федоровны Войтковской (Яковлевой). В скобках – мои пояснения.

Семью Войтковских в поколении моих родителей (матери Войтковской Валентины Александровны) сформировали две ветви – Войтковские и Деркаченко.

Михаил Войтковский

Предполагаемая дата рождения – 1875—1885 гг.

Место рождения – Польша, предположительно, Краков

Дата смерти – 1937 г.

Место смерти – скорее всего – Ташкент

Похоронен – неизвестно

Национальность – поляк

Семья – жена (предположительно Анна), трое детей (Александр (1906 г.р.), Евгений (1906 г.р.), Анна (1911 или 1912 г.р.))

Фото нет

Внук Михаила Войтковского, Александр Александрович Войтковский пишет в своих воспоминаниях:

«Дед был очень живой, непосредственный, часто брал меня (внука, это происходило в Ташкенте) на руки, давал гостинцы. Но я его почему-то боялся».

«Дед был грамотным по тем временам, был высококвалифицированным слесарем-сборщиком на заводе – судостроительном (в городе Николаеве)».

Как попал поляк на Украину неизвестно. Судя по датам рождения детей – его старший сын Александр (мой дед) родился в 1906 году, дату рождения Михаила можно отнести к 1875—1885 годам.

«В 1937 переехали в Ташкент (семья сына Михаила – Александра Михайловича). На „Сельмаше“ работал мой дед (Михаил) ... За что-то деда выслали из Николаева (никто не мог мне этого сказать, не знали). Вероятно, сначала он жил не в Ташкенте. Затем в Ташкенте. ... Из Ташкента он исчез, куда и когда не знаю и спросить не у кого. Вроде бы его опять выслали дальше. И он неизвестно где умер».

Речь идет о 1930-х годах. В истории СССР – это время усиления репрессий, Большого Террора (термин введен в 1968 году английским ученым Р. Конвестом). Органы ГПУ (Государственное Партийное Управление) чистят не только слой интеллигенции, духовенства и крестьянства, но и рабочий класс.

В 1926 году в Уголовном Кодексе РСФСР было расширено понятие контрреволюционного преступления и введено определение «лицо социально опасное». В категорию социально опасной личности проходили все, кто невзначай осуждающе высказался в адрес партии, или в сердцах выразил свое недовольство нищим бытом, голодом, или того хуже – осудил действия партийных органов. Также сюда попадали люди, имеющие контакты, как дружеские, так и случайные, с ранее репрессированными. Судили быстро. Работали так называемые «тройки», которые имели большие полномочия – три представителя власти выносили приговор, основываясь на доносах и показаниях ранее осужденных, взятых с пристрастием.

В Тройку входили: Первый секретарь обкома партии или из ЦК, начальник местного отдела НКВД (Народный Комитет Внутренних Дел, создан в 1933 году на базе ОГПУ), прокурор. Это было в 1934 году.

Еще одно обстоятельство имеет важное значение в установлении причины ареста Михаила – обострение отношений СССР – Польша. История 1920-30-х годов пестрит сообщениями о территориальных разборках Польши с СССР и Германией, которые начались еще в Первую мировую войну. В 30-е годы ОГПУ «выявляли» польских шпионов и арестовывали подозреваемых.

В то же время, в 1933—1936 годы, предшествующие началу Большого Террора, приговоры стали «мягче» – чаще приговаривали к ссылке и меньше расстреливали.

Михаил работал на судостроительном заводе рабочим, был грамотным, по национальности – поляк. Возможно, где-то он неосторожно высказался о действиях органов или уровне жизни народа. Кто-то мог указать на него как на «чуждый элемент в среде рабочего класса».

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что Михаила Войтковского арестовали и выслали в Среднюю Азию. Возможно, на исправительные работы на одну из Великих строек.

В те времена в Средней Азии строили ирригационные сооружения в бассейнах Амударьи, в Ферганской долине. Там, в основном, работали заключенные. Строили также заводы и фабрики. В довоенные годы в Узбекистане было построено 500 промышленных предприятий, в том числе и завод Сельского машиностроения, который был основан в 1927 году как Центр ремонтно-механических мастерских Главхлопкома, а в 1931 году на базе мастерских построен машиностроительный завод «Ташсельмаш» имени К. Е. Ворошилова.

Ближе к 1937 году, когда в результате массовых арестов специалистов по всей стране, работать на заводах и фабриках стало почти некому, производство, как и сельское хозяйство, пришло в упадок, срочно стали возвращать ссыльных, числящихся как «высококвалифицированные».

Возможно, Михаила перевели из лагеря или с одной из строек в Ташкент, где как раз нужны были хорошие специалисты на заводы. Таким образом, он оказался на заводе Сельского Машиностроения, о чем в своих воспоминаниях и говорит мой дядя Александр Александрович.

Скорее всего, жил он на правах поселенца, в бараках, находящихся поблизости от завода. На это наводит факт его женитьбы и свободного перемещения по городу, о чем в своих воспоминаниях пишет его сын Александр.

В 1937 году Михаила снова арестовали и, возможно, расстреляли или отправили в лагерь, откуда мало кто возвращался, а учитывая, что он был достаточно пожилым человеком к концу 30-х (50—60 лет), то он мог умереть в лагере. Потому и исчез из поля зрения родных.

В Ташкенте в те годы каждый день расстреливали десятки людей. Среди них те, кто был арестован при проведении «национальных операций» – одному из направлений Большого Террора.

В Книге Памяти Узбекистана (вторая книга из трех) приведены такие цифры:

Среди арестованных было узбеков – 2361 человек, русских – 462, тюрков – 31, немцев – 20, поляков – 12, харбинцев – 19, афганцев – 3, китайцев – 3.

Возможно, среди 12-ти поляков был и мой прадед. К сожалению, саму Книгу Памяти я не смогла отыскать в открытом доступе и потому не видела фамилий репрессированных.

Расстрелы (по устным свидетельствам жителей, чьи дома стоят на другом берегу канала) проводили ранним утром на берегу канала Боз-су в тот момент, когда мимо проходил поезд. В то время это был край города, недалеко от тюрьмы, в которой содержали арестантов (позже на том месте была построена трикотажная фабрика «Юлдуз»).

Сейчас это совсем недалеко от центра, рядом с проспектом Амира Темура. В 2001 году там воздвигнут Мемориал Памяти жертв репрессий.

Остается добавить, что в Ташкенте Михаил женился второй раз, и его сын Александр упоминает жену отца в своих воспоминаниях как мачеху. Нравилась она ему или нет, не понятно.

Ясно одно, что отец и сын с семьей (Александр Михайлович с женой Анной Семеновной и детьми – Александром, Валентиной и Владимиром), общались.

Жена Михаила Войтковского

Предполагаемая дата рождения – 1885—1888 гг.

Место рождения – Польша

Предполагаемая дата смерти – 1911 – 1912 гг.

Место смерти – г. Николаев, Украина

Похоронена – неизвестно

Национальность – полячка

Семья – муж Михаил Войтковский, трое детей: (Александр (1906 г.р.), Евгений (1906 г.р.), Анна (1911 или 1912 г.р.))

Фото нет

О моей прабабушке известно настолько мало, что ничего невозможно собрать в биографию. Есть упоминание о том, что она была артисткой.

Имя, фамилия, дата рождения неизвестны.

Могу предположить, что она родилась в 1885—1888 годах. (Как я уже упоминала, первого ребенка, сына Александра, она родила в 1906 году). Дата рождения второго сына Евгения тоже 1906 год. Третий ребенок – дочь Анна, родилась в 1911 или 1912 году. Могу предположить, что моя прабабушка умерла при родах дочери, и отец назвал ребенка в ее честь.

Из воспоминаний Войтковского А. А.:

«... его (Михаила) жена, бабушка, тоже полячка. Она рано умерла, и дед один воспитывал в Николаеве трех детей».

Дополнения Войтковской Н. Ф.:

«Ваш прадед – Михаил, вероятнее всего был из какого-то портового городка в Польше, где был судостроительный завод, так как он был квалифицированным специалистом на заводе. Вероятно, его выслали из Польши в Николаев, а уже потом в Ташкент. Польша ведь была в составе России до 1917 года, там часто бастовали. Откуда-то у Саши (А. А. Войтковского) было воспоминание о том, что жена Михаила была артисткой, он говорил, что до войны была её фотография. Но этого сейчас никто не знает.

Михаил и его сын Александр были заядлыми рыбаками. Их домик стоял на окраине Николаева у самой реки, кругом были камыши. Домик был очень маленьким. В 1960-е годы мы с Сашей ходили по тем местам, но там уже были одни камыши, а сейчас это район города, который называется Намыв».

Семен Николаевич Деркаченко

Предполагаемая дата рождения – 1880 г.

Место рождения – Черногория, г. Котор

Дата смерти – май-июнь 1936 г.

Место смерти – г. Николаев, Украина

Похоронен в Николаеве

Национальность – черногорец

Семья – жена Екатерина Терентьевна Гнённая, девять детей: Мария, 1900 г.р., Александр, 1902 г.р., Петр, 1904 г.р., Ольга, 1906 г.р., Анна, 1908 г.р., Анна, 1911 г.р., Надежда, 1914 г.р., Николай, 1918 г.р., Владимир, 1924 г.р.

Семен Николаевич Деркаченко

Вот что пишет о Семене Николаевиче Войтковский Александр Александрович (внук):

«... черногорец, с большими белыми усами, щуплый. Как он попал в Николаев из Черногории (Югославии) не знаю. В день, когда мы в 1937 году приехали в Николаев с Дальнего Востока, его хоронили».

Судя по документам, это был 1936 год. Так как третий ребенок Войтковских – Владимир, родился в 1936 году в Николаеве. То есть, Анна, дочь Семена Николаевича, вернулась домой на последнем сроке беременности.

Дату рождения Семена Николаевича можно приблизительно определить по дате рождения первого ребенка – дочери Марии (Муры) – 1900 год. Семен Николаевич мог родиться не позднее 1882 года.

Датой смерти можно назвать май-июнь 1936 года, так как Владимир, сын Анны, родился 11 июня, а по воспоминаниям Александра Александровича Войтковского они вернулись в Николаев в день похорон деда Семена.

Александр Александрович, говоря о том, «как он (Семен) попал в Николаев из Черногории», имеет в виду, как он попал на Украину из Черногории. Потому как в Николаев семья Семена переехала из Одессы.

«Дед Семен плавал на торговых судах, сначала они жили в Одессе, большинство их детей, сестер и братьев матери (имеется в виду мать Александра – Анна), родились в Одессе. Затем они переехали в Николаев. Мать наша также родилась в Одессе... Детей было много...»

Нина Федоровна Войтковская в своих дополнениях добавляет, что ее муж ошибся, говоря, что его мать Анна родилась в Одессе. Семья переехала в Николаев до ее рождения. Это подтверждает и Свидетельство о рождении другой сестры Анны (тоже Анны, детей называли по святкам), родившейся раньше, в 1908 году в Николаеве.

Очевидно, они переехали в Николаев до 1908 года.

Дополнения Нины Федоровны:

«Переезжали с 4-мя детьми. Поселились в частном доме, который стоит до сих пор. У хозяев было два дома, один они сдавали. Деды обманули хозяев, сказав только об одном ребёнке. Сняли дом с одним ребёнком, а остальных баба Катя перенесла по одному в бельевой корзине. Я хорошо помню, что об этом все вспоминали, а также то, что хозяева всю жизнь были этим недовольны. А выселить такую семью было нельзя в те годы, после войны за дом платили государству, а не хозяевам. Но когда в 1970-е годы выехали последние Деркачи (как их называли), то дом опять перешёл хозяевам».

Почему семья Семена Николаевича переехала в Николаев?

Прямого ответа на этот вопрос нет. На тот момент Семену было лет сорок или около того – для мужчины это вполне зрелый возраст, и сил должно было быть много. Работа у него была – плавал на торговых судах. Возможно, он потерял работу, или просто семья решила обосноваться рядом с родными жены Екатерины – Гнёнными. Они жили в Николаеве. Николаев находится в ста двадцати километрах от Одессы – по современным представлениям не такой уж долгий путь.

Нина Федоровна также пишет:

«Нила (дочь Александра Семёновича – третьего ребенка Деркаченко) говорит, что он (дед Семен) приходил с плавания и привозил гостинцы, гулял с ней, а на заводе не работал. Ей было 12 лет, когда он умер. Она хорошо помнит, как он болел и умирал».

Александр Александрович рассказывает дальше:

«Когда дед с бабкой приехали жить в Николаев, то жили около рынка, в двух больших комнатах. Жили дружно. Дед пошел работать на судостроительный завод, бабушка стирала по домам. Дети рано начали зарабатывать на жизнь. Тетя Мура и тетя Нюся работали белошвейками...»

Кто прав в отношении места работы Семена Николаевича, сказать определенно трудно – точных данных нет. Николаев, как и Одесса, тоже портовый город. Так что он мог, как и в Одессе, плавать на торговых судах. Нила, скорее всего, больше знала о своем деде, хотя бы потому, что жила с ним и была в возрасте подростка.

Из воспоминаний дочери Александра Александровича Войтковского Даринской (Войтковской) Ларисы Александровны:

«Когда я там (в Которе) была... чувствовала что-то особенное, почему-то мне казалось, что я там уже была, что многое мне знакомо – дома, улицы, черепичные крыши. Позже узнала, что это родной город нашего прадеда. Городок старинный, небольшой. Традиционно там жили моряки-рыбаки. Фотографию деда Семёна я очень хорошо помню, она висела у б. Муры (старшей дочери Семена – Мариш) на стене в большой раме. Помню, как ходили на его (Семена) и б. Катину (его жены) могилки в Николаеве на кладбище».

Екатерина Терентьевна Деркаченко (в девичестве Гнённая)

Предполагаемая дата рождения – 1880—1883 года.

Место рождения – возможно, село Варваровка, близ Николаева (в наши дни не существует, слилось с городом).

Дата смерти – неизвестна

Место смерти – г. Николаев, Украина.

Похоронена в Николаеве

Национальность – по отцу – запорожская казачка, по матери – турчанка

Семья – муж Семен Николаевич Деркаченко, девять детей: Мария, 1900 г.р., Александр, 1902 г.р., Петр, 1904 г.р., Ольга, 1906 г.р., Анна, 1908 г.р., Анна, 1911 г.р., Надежда, 1914 г.р., Николай, 1918 г.р., Владимир, 1924 г.р.

Жизнь Екатерины Терентьевны была полностью посвящена семье. Она родила одиннадцать детей (две девочки умерли в младенчестве), учиться ей было некогда, и она подрабатывала стиркой, как пишет Александр Александрович.

Интересны воспоминания о ее национальной принадлежности:

«Мать мамы (Анны Семеновны) – баба Катя – помесь турчанки и запорожского казака. Тетя Мура (старшая дочь Екатерины и Семена Деркаченко) рассказывала, что ее бабка (мать Екатерины) ... была турчанка, была очень строгой к домочадцам, постоянно курила трубку. Родственники бабы Кати жили в Николаеве, под Киевом и в Миргороде».

Нина Федоровна дополняет:

«Бабушку – прабабушку-турчанку дети помнили не в Одессе, а в Николаеве. Она ездила к родственникам в Миргород Полтавской обл. и в Васильков Киевской обл. Позже, после войны, туда ездила и т. Мура. Ходила бабушка-турчанка в длинных широких юбках, носила мониста, курила трубку. В карманах у неё всегда были конфеты – леденцы. Т. Мура вспоминала, что она, бывало, подзовет к себе внука, погладит по головке и даст конфетку. Это было ещё до революции».

Из вышесказанного можно предположить, что:

Отец Екатерины – запорожский казак, женился на турчанке (где это произошло, когда – остается вопросом). От этого брака родилась дочь Катя. Жили они в одном из мест на Украине – под Киевом, в Миргороде или в Николаеве. Там Екатерина встретила черногорца Семена, эмигрировавшего, возможно, со своими родителями из Черногории. Вышла замуж и впоследствии они переехали в Одессу. Либо Екатерина и Семен встретились и поженились уже в Одессе.

Какое-то время, даже приблизительно определить трудно, бабушка-турчанка жила с семьей дочери, раз старшая внучка Мура помнит ее. И это могло быть как в Одессе, так и в Николаеве.

Это, пожалуй, все, что я смогла восстановить и написать о прадедах и прабабках. Далее о Войтковских – Александре и Анне – родителях моей матери Войтковой Валентины Александровны.

Александр Михайлович Войтковский

Дата рождения – 1906 год

Место рождения – г. Николаев, Украина

Дата смерти – без вести пропал 15 мая 1942 г. (по другим данным – 17 мая)

Место смерти – село Беззаборовка Сталинской области, Александровского района. По другим документам место потери обозначено как хутор Запаро-Марьевка на северо-востоке Донецкой области, недалеко от границы с Харьковской областью. Оба пункта находятся в районе Барвенково, который находится в 134 км от Харькова.

Похоронен – неизвестно

Национальность – поляк

Семья – жена Анна Семеновна Деркаченко, трое детей: Александр, 1932 г.р., Валентина, 1934 г.р., Владимир, 1936 г.р.

Александр Михайлович Войтковский

Из воспоминаний сына Александра Войтковского:

«Отец был старшим в семье, 1906 года рождения... У моего отца был брат Женя и сестра Аня. Отец их очень любил и растил маленьких».

«Отец с матерью поженились в 1929 году, матери было восемнадцать лет, три года у них детей не было, я родился в 1932 году, чему они были очень рады».

«Дядя Петя (брат Анны Деркаченко, 1903 года рождения) дружил с моим будущим отцом и с дядей Федей (друг), которые вскоре женились на двух сестрах дяди Пети – Муре (1900 г.р.) и моей матери (Анне, 1911 г.р.)»

Александр Михайлович рано лишился матери и, будучи старшим из детей, занимался воспитанием младших. Забегая вперед, скажу, что и его сын Александр Александрович пошел по стопам отца. В тяжелое военное время, когда отец был на фронте, а мать работала на заводе, он занимался своими младшими сестренкой и братишкой, в прямом смысле слова воспитывал их, о чем остались воспоминания и Валентины, и Владимира. В возрасте четырнадцати лет Александр один переехал с ними из Ташкента в Николаев, а было это в 1946 году! – в неспокойное послевоенное время, омраченное разрухой, бандитизмом, голодом.

Петр, Александр и Федор работали на судостроительном заводе и, как друзья, могли заходить домой друг к другу. Бывав в доме Деркаченко, Александр и познакомился с сестрой Петра – Анной.

А. А. Войтковский пишет, вспоминая отца:

«Станция Тохтамышская, Дальний Восток, вероятно, это 1935—36 года, когда родилась Валя. (моя мать, родилась в 1934 году) Это на строительстве Комсомольска-на-Амуре (так говорили родители, но это не факт.) Отец в военной форме, в буденовке. Здоровый, веселый, с открытым лицом, голубыми глазами, очень жизнерадостный. Скорее всего, он служил в войсках НКВД по призыву военкомата».

В семейном архиве сохранилась небольшая фотография Александра Михайловича в буденовке. Фотография черно-белая, но и на ней видно, что глаза у моего деда светлые. А вот сам он выглядит очень сосредоточенным и серьезным. Видимо, форма или положение обязывает. Но на его шинели нет никаких знаков воинского отличия, по которым можно было бы точно определить род войск, в которых он служил. Могу предположить, что информацию о призыве отца в войска НКВД, сын мог слышать позже в разговорах взрослых. Ведь в 1935—36 гг. ему было всего 3—4 года.

НКВД – Народный Комитет Внутренних Дел, создан в феврале 1934 года. Анализируя хронологию событий семьи и законы того времени относительно службы в войсках ОГПУ (НКВД), я прихожу к выводу, что Александр Михайлович начал службу в этих подразделениях в 1933 году. Тогда это еще называлось ОГПУ (Орган Государственного Партийного Управления).

На Дальний Восток семья Войтковских поехала, скорее всего, летом 1933 года. Предполагаю так, думая, что Анна еще не была беременна дочерью, что могло отсрочить (возможно!) отправку семьи на службу в такой отдаленный от Николаева район. Летом 1934 года (16 августа) родилась моя мать Валентина. В ее паспорте было записано место рождения: «Уссурийский край, поселок Кривой ручей». Но такого города или поселка я не нашла ни на картах Уссурийского края, ни в каком-либо другом месте Советского Союза, как и станцию Тохтамышская, которую упоминает мой дядя.

В Николаев семья вернулась до рождения сына Владимира, который родился 11 июня 1936 года в Николаеве! Это тоже документальный факт и он отражен в метриках Владимира.

Таким образом, Александр Михайлович прослужил на Дальнем Востоке три года. И именно такой минимальный срок службы в лагерях был определен НКВД.

Саше в 1933 году было год-полтора (он родился 19 марта 1932 года), он не может помнить то время. Видимо, название станции у него осталось в памяти тоже от более поздних рассказов родителей.

Станцию Тохтамышскую я не нашла ни в каком справочнике или атласе дорог. Точно такого названия на картах нет. Но есть более или менее подходящее – это станция Тахтамыгда в Амурской области. Она находится на тындинской ветке БАМа (Байкало-Амурская магистраль) – продолжения Транссиба – железнодорожной магистрали, которую начали строить в 1933 году от основной ветки БАМа до поселка Тында.

Это было страшное строительство. Его называли БАМЛАГом. На всем протяжении трассы стояли лагеря, заключенные которых и строили эту железнодорожную ветку.

«Начальником строительства был Нафталий Френкель – «бывший одесский миллионер и олигарх. Расторопный спекулянт и политический авантюрист». Приговоренный ОГПУ к смертной казни, он чудом избежал

расстреля и стал генералом НКВД, «злым демоном ГУЛАГа», получившим безраздельную власть над сотнями тысяч людей. Это с его подачи в СССР заключенных стали использовать как рабов на масштабных социалистических стройках...

В 1933 году Френкеля назначили начальником строительства Байкало-Амурской магистрали, для чего была создана еще одна система лагерей для заключенных – БАМЛАГ. Френкель лично встречал каждый новый этап заключенных. После торжественной, с оркестром, встречи «всех прибывших ставили на колени в снег и пересчитывали по головам, потом гнали в лес рубить просеки». Кормежка была крайне скудной, люди тысячами гибли от холода и цинги. Из архивных документов следует, что цена одного метра БАМа – одна человеческая жизнь...»

(из статьи О. Андреевой).

Поселок, а позднее – станция Тахтамыгда вполне подходит и по дате – 1933 год. Но по данным о рождении моей матери не подходит. Она родилась, как я написала выше, в Уссурийском крае, а это намного восточнее поселка Тахтамыгда.

Поэтому я предполагаю, что работал Александр Михайлович Войтковский на строительстве вторых путей на отрезке Транссиба, уходящего от Амурской магистрали по реке Уссури.

А объяснить название Тохтамышская я могу таким образом. Это могло быть вроде шуточного названия далекого места, где заканчивались подъездные пути. «Тохта» с узбекского (а семья Войтковских впоследствии жила в Ташкенте, где их старший сын и мог слышать и запомнить это название) переводится, как «стой, остановка». Есть даже строки в одной «народной» песне, которую я слышала от родителей: «Тохта, паровоз, не стучите колеса, водитель, нажми на тормоза...».

Как бы там ни было, но все мои попытки найти другое, более серьезное объяснение названия станции, не увенчались успехом.

Один факт из воспоминаний Александра Александровича тоже указывает на Уссурийский край:

«Помню, как мать с отцом ходили на охоту на тигра в тех местах (на Дальнем Востоке)».

Тигр обитает в Уссурийской тайге, по берегам рек Амур и Уссури. Думаю, что в тридцатые годы он тоже был распространен в этом районе. Охоту на тигра моих деда и бабушки я описала в романе «Дивлюсь я на небо...» так, как смогла это представить себе.

«Я сознательно начинаю помнить отца с 3—4 лет, это 1935—36 годы. В 1935—37 годах отрывочно вижу двор в доме №55 по ул. 8 марта в г. Николаеве. Возле дома развешаны рыбацкие сети, и отец с кем-то вяжут или проверяют их».

Далее, Александр Александрович пишет в своих воспоминаниях о детских годах, проведенных в Ташкенте, это период с 1937 по 1941 года:

«Отец каждый год призывался на военные сборы, был танкист. На петлицах у него было три кубика и танк. У меня есть его фото в военной форме.

У меня игрушки были – танки, были заводные, были похожие на те, какими рисуют танки Антанты, когда они наступали на нас».

К сожалению, я не видела фотографии, о которой пишет Александр Александрович и привести ее в качестве доказательства того, что мой дед был танкистом, не могу.

Если в Ташкенте Александра Михайловича призывали на военные сборы, как танкиста, логично предположить, что он стал танкистом раньше, еще в Николаеве.

Могут предположить, что это произошло еще до женитьбы, когда он служил в армии, а значит до 1929 года. Это вполне реально, так как указ о создании регулярной армии был издан В.И. Лениным в 1918 году.

Три кубика на петлицах, а в то время еще не было погон, их ввели во время войны в 1943 году, означают, что он относился к среднему командному составу, а именно был командиром роты. Такие знаки отличия командного состава были введены в 1924 году. Танк на петлицах говорит о родах войск – танковые. В 1935 году, а обсуждаемое время уже после этого года, постановлением ЦИК и СНК СССР впервые были введены персональные воинские звания – лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор и т. д.

На фронт Александр Михайлович ушел в звании капитана и командовал к тому времени батальоном.

«Отец пропал без вести будучи капитаном, командиром танкового батальона. Пропал под Харьковом, населенный пункт Барвенково. Там шли тяжелые танковые бои. У меня осталась единственная присланная мне с фронта открытка, я ее свято храню».

В наше время правнук Александра Михайловича Артем Шарапов (сын Ларисы Александровны Войтковской) получил справку из архива, в которой даны сведения, противоречащие всему тому, что мы знали об Александре Михайловиче Войтковском.

Цитата из архивной справки:

«Сообщаем, что мл. лейтенант Войтковский Александр Михайлович, 1906 года рождения, место рождения и призыва не указано, командир стрелкового взвода 442 стрелкового полка 106 стрелковой дивизии, пропал без вести в бою 17.5.1942 у села Беззаборовка Сталинской области».

Кроме этого, в военных документах указанного военного подразделения есть имя Вайтковского Александра Михайловича, 1906 года рождения. Там же указано имя и место работы жены – Вайтковская Анна Семеновна, Узбум (Узбекский бумажный комбинат), но не указан домашний адрес. Да и место работы неверное. Еще до ухода мужа на фронт Анна Семеновна перешла на работу на Авторемзавод.

Кто ошибся в написании фамилии? Не сам ли Александр так изменил ее, не сообщил адрес места жительства, дал неверную информацию о месте работы жены? Чего он опасался?

Александр Михайлович Войтковский, сын репрессированного отца, поляк, рабочий судостроительного завода, в армии служил в танковых войсках. После армии по призыву военкомата проходит подготовку в структурах ОГПУ.

Действительно, в начале тридцатых годов рабочих привлекали к службе в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР) в качестве должностных лиц в исправительно-трудовых лагерях и поселениях.

В 1930 году вышло Постановление ЦК ВКП (б) о направлении на учебу с последующим зачислением на службу в органы госбезопасности 1000 передовых рабочих-производственников. В 1930—33 годах была создана центральная школа на основании разработанной системы подготовки командных, политических и технических кадров. Обучение проводилось от 3-х месяцев до 2-х лет.

Остается неясным вопрос с отцом и национальностью.

У Советского Союза были недружественные отношения с Польшей, несмотря на Договор о дружбе и торговом сотрудничестве между СССР и Польшей, заключенный 15 июня 1931 года.

Каждый поляк мог считаться подозрительной личностью. Могу предположить, что Александр Михайлович сознательно изменил в документах свою национальность с польской на украинскую. У всех его детей в документах отмечено, что они украинцы. Свидетельство о рождении моей матери Валентины не сохранилось, но в Свидетельствах о рождении ее братьев Александра и Владимира у отца указана национальность украинец! Моя мама имела запись «украинка» в графе «национальность» в паспорте.

Далее, Александр Михайлович не только учится, работает, он получает назначение от ОГПУ на Дальний Восток в Уссурийский край.

Это можно объяснить так.

Командный состав вооруженных сил, а также и органов контроля обескровлен многочисленными арестами по наговору и пр. Потому власть и обращает свой взгляд на рабочую среду, где внедрение врагов советской власти пока что не так значительно. И, само собой, рабочий класс – элитный класс советской страны.

Все родные считают, что Александр с женой едут на строительство Комсомольска-на-Амуре, так как в августе 1931 года принято решение о строительстве на левом берегу Амура судостроительного завода на месте села Пермское. В июне 1933 года там заложен первый камень, а в июле 1934 года первый камень заложен в строительство авиационного завода там же, в строящемся Комсомольске.

У меня есть основания предполагать, что Александр скрыл от родных и друзей истинную цель своего назначения. Если бы не факт рождения моей матери, о котором я уже рассказала, возможно, мы бы никогда и не узнали о том, где и в качестве кого работал ее отец в период 1933—36 года.

Почему этот факт скрывался?

Из воспоминаний сына, Александра Александровича, у меня сложилось впечатление, что Александр Михайлович был умным, порядочным человеком, равно как и жизнерадостным и добрым. Я предполагаю, что он отлично понимал, что в политике страны есть, мягко говоря, перегибы, но он был сыном своего времени – коммунистом (скорее всего, но не факт), рабочим, выросшем на революционных лозунгах и, возможно, он находил оправдание действиям работников органов НКВД. Не исключаю и явной угрозы со стороны тех же органов, которые могли манипулировать фактами ссылки его отца (как раз в начале тридцатых, возможно, в 1933 году) и национальностью. Кто знает, может быть ему предложили подписать отказ от отца – а такое практиковалось! – как выражение несогласия с его мировоззрением и жизненной позицией. И рассудив, что так он сможет сохранить свою семью – жену и маленького сына, а также всех братьев и сестер от гонений и репрессий, он подписал такую бумагу. А отец его понял. И тому свидетельство – их общение в Ташкенте, куда он уехал в 1936—37 годах, видимо, получив от отца известие, что он в Ташкенте и работает на заводе Ташсельмаш. Более того, я думаю, что Александр Михайлович поехал в Ташкент именно потому, что там оказался его отец, к которому он имел большую привязанность и, смею полагать, любил и уважал его.

Также могу предположить, что факт рождения слабенькой дочери в богом забытой глуши, где и медицины никакой не было, третья беременность жены, позволили работнику НКВД (а это было уже в 1936 году), возможно, выполняющему функции начальника одного из подразделений ОГПУ – начальника лагеря, коменданта, начальника районной, участковой, поселковой комендатур, – все же добиться досрочного освобождения от такой тяжелой обязанности.

Но, и это более очевидно, Александр Войтковский отслужил положенные три года – тот срок, на который и посылали для работы на руководящих должностях в лагерь.

Так или иначе, на Дальнем Востоке они пробыли три года.

Каким начальником был мой дед – хорошим или плохим – не мне судить, я ничего не знаю об этом, но, повторюсь, я хочу думать и у меня есть для этого основания, что он был – человеком. А что его и его жену, и его детей не любили, или ненавидели, или презирали осужденные женщины, это вполне закономерно и объяснимо. Один вид красивой, молодой и главное – свободной женщины в лагере или в закрытом поселке, где такие же женщины занимаются тем, что валят лес, голодают, страдают от насилий и издевательств охраны, вполне мог определить именно такое отношение. Но это не факт бесчеловечности сотрудника ОГПУ, о которой так много написано и рассказано в многочисленных романах и статьях очевидцев.

Александр скрыл от своих родных факт работы в лагере ссыльных в качестве начальника лагеря, или какого-либо другого должностного лица, из нравственных побуждений, или для того, чтобы не навредить своим родным. Время было тяжелое, последствия – неопределенными.

Вернувшись в Николаев, он недолго живет там, они дружат семьями с сестрами и братьями Анны, там у них рождается сын Владимир в 1936 году и вскоре Александр с семьей уезжает в Ташкент.

В Ташкенте семья живет на съемной квартире в старом доме на улице 8 марта. Тот район в Ташкенте называли казачьим поселком. В конце девятнадцатого века, когда русские войска взяли Ташкенте, для расквартировки Казачьего полка, прибывшего из Сибири, были построены дома в районе за железнодорожным вокзалом. В одном из таких домов и поселилась семья Войтковских.

Александр Михайлович работает художником в артели «Художпром». Об этом пишет его старший сын, что также подтверждается рассказами и моей матери, и их младшего брата Владимира.

«Жизнь в Ташкенте с родителями я помню хорошо. Отец работал художником в артели „Художпром“ в старом городе. Я с мамой ездил к нему. Кругом дувалы, кибитки¹ – вот, что осталось в памяти. Когда мы ехали к нему на трамвае, то всегда видели, как роют Комсомольское озеро. Его рыл весь город. Помню, как в него пускали воду, мы присутствовали при этом. Потом мы ездили туда отдыхать и сажали там деревья».

Озеро, о котором пишет Александр Александрович, сначала называлось Бешагачским, в Комсомольское его переименовали в 1972 году. Но на его строительстве работали комсомольцы, возможно, поэтому в народе его сразу и стали называть Комсомольским. Сейчас на месте Комсомольского озера – парк «Миллий бог» или «Национальный парк». Озеро сохранилось. Прогуливаясь в парке, я пытаюсь представить себе, как комсомольцы тех времен копали озеро – с каким азартом и верой в светлое будущее! Какое из чудом сохранившихся старых деревьев могли посадить мои бабушка и дедушка, как их дети плескались в озере или играли в песке на его берегу...

Артель «Художпром» находилась в так называемом Старом городе Ташкента. До сих пор понятие «Старый город» бытует в Ташкенте. Новый, или русский, город был построен в конце девятнадцатого века на более пустынном левом берегу канала Анхор после захвата Ташкента русскими войсками. Артель «Художпром» находилась в месте, называемом Кукча, и располагалась в бывшей мечети, которую местные жители называли «Кукча» по месту нахождения. В наши дни вместо той старой мечети построена новая. Названа она по имени шейха Зайниддина-бобо, мавзолее которого располагается недалеко от нее.

¹ Дувалы – низкие заборы из сырцового кирпича, кибитки – дома из сырцового кирпича

Почему сотрудник НКВД, офицер, танкист, в Ташкенте бросает военную службу и работает художником в артели?

Это остается скрыто временем, и мы ничего не можем знать наверняка. А предполагать можно сколь угодно разные варианты.

Его могли уволить из органов по состоянию здоровья – Нина Федоровна Войтковская пишет, что родные говорили о том, что у него были слабые легкие, а перед войной он даже ездил на лечение в Анапу, или семейным обстоятельствам – как-никак – трое малолетних детей. Год 1936 был неурожайным и ситуация в стране была аналогична голодному 1932 году. К тому же в Николаеве большой семье негде было жить. Своего жилья не было, все родственники жили на съёмных квартирах. И Александр Михайлович принимает решение поехать в Ташкент, где в это время уже жил его отец – Михаил Войтковский, который писал ему о том, что в Ташкенте жить легче.

Брат Александра – Евгений Михайлович Войтковский тоже жил в Ташкенте до войны. Но когда он приехал туда – до или после Александра, – мне неизвестно.

Семья Войтковских в Ташкенте снимала квартиру – одну комнату частного дома на улице 8 марта (как и в Николаеве!). Чтобы устроиться на работу, нужна была прописка. Либо мой дед приехал в Ташкент военным, тогда его просто зарегистрировали, т.к. у военных не было паспортов, либо он уехал из Николаева в Ташкент с рекомендациями от НКВД или по направлению от НКВД. Это могло послужить основанием для прописки и возможностью без каких-либо затруднений устроиться на работу.

В Ташкенте есть Высшее Общевоинское Командное Училище, основанное в 1918 году как Туркестанские Советские Командные Курсы, а в 1922 году переименовано в Туркестанскую Объединенную Школу Высшего Командного Состава. Можно предположить, что Александр добился отправки в эту школу для повышения квалификации. А в Художественной артели он работает в свободное время. Или, спустя некоторое время после курсов, он уходит в отставку и идет работать в Художественную артель.

Считаю необходимым прояснить следующее. В городе Чирчик, что в пригородах Ташкента, при СССР находилось Ташкентское Высшее Танковое Командное Училище. Казалось бы, вполне подходит, чтобы объяснить переезд семьи Войтковских в Ташкент – ведь Александр Михайлович – танкист. Но это училище образовано в годы Великой Отечественной войны (дек 1941 г.) на базе эвакуированного из Харьковского Бронетанкового Училища, которое в свою очередь было создано на базе передислоцированного в Харьков в 1938 году Горьковского (Нижегородского) Бронетанкового Училища.

Так что версия отправки на службу в Ташкент в это училище не может быть принята из-за временных несовпадений. Но уход на фронт танкистом вполне вписывается в эти временные рамки.

Александр Михайлович Войтковский без вести пропал в мае 1942 года. По версии родных это случилось в боях под Барвенково недалеко от Харькова, согласно архивной справке Министерства Обороны России – в боях у села Беззаборовка Сталинской области, что тоже недалеко от Барвенково.

Более о его судьбе ничего не известно. Но в воспоминаниях моей матери сохранился такой эпизод. Вскоре после победы к ним пришел военный, как оказалось однополчанин и друг Александра Михайловича. Он рассказал его жене Анне о последнем бое, после которого его сочли без вести пропавшим. Я описала этот рассказ в романе «Дивлюсь я на небо...», как представила себе, следуя событиям танковых боев под Харьковом, описанным в хрониках войны и рассказах очевидцев.

Тайна личности моего деда остается непознанной. Он многое скрывал как от официальных органов, так и от родственников. Видимо, для этого были веские основания. И даже его гибель осталась тайной для семьи.

Далее я привожу рассказ Александра Александровича о жизни их семьи в Ташкенте до войны. Он не нуждается в комментариях, там все ясно изложено. В скобках мои пояснения.

«В те годы жили мы неплохо. Отец неплохо зарабатывал, материально жили хорошо. У нас был патефон, приемник, два ружья – одно и двустольные. Отец рисовал рекламные проспекты, картины, призывы. Рисовал на заказ портреты. Портретов Ворошилова у нас было штук пять, были портреты Калинина, Сталина и др. Много он рисовал дома. Отец очень любил рисовать пейзажи, иногда выезжал на этюды. Когда я бывал в пионерлагере, то отец приезжал ко мне с этюдником и рисовал природу.

Помню, был этюд – пыльная дорога, солнце, зной, видна кибитка (глинобитный дом) и возле небольшой арык или водопад и буйная зелень.

Отец играл в футбол на стадионе «Динамо» (есть такой до сих пор и на том же месте), стадион был над рекой Карасу-2 или Салар (Салар), ходили мы туда через мостик.

Мать прыгала с парашюта. Тогда это было модно.

Жили на Узбуме. (Уз. Бум. – Узбекский Бумажный комбинат, жили в районе УзБума, на улице 8 марта, которая находится почти напротив комбината на противоположной стороне ул. Куйбышева (сейчас Ахангаранский проспект), снимали квартиру, вернее – часть дома).

Мать там работала в колонии экспедитором в столовой вольнонаемных. Играли там в футбол. Дома у нас всегда была вкусная еда, мать была хорошей хозяйкой. Например, была брынза, привезенная прямо с гор, под кроватью бухарские дыни, соленья, варенья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.